

Владислав Киселев

КТО ТЕБЕ ПЛАТИТ?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Киселёв

Кто тебе платит?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65418146

SelfPub; 2021

Аннотация

Где нет иллюзий, там нет страданий. История о том, какими смешными и опасными могут быть иллюзии.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	21
5	41
6	51

Владислав Киселёв

Кто тебе платит?

1

Август сочился в окна полупустого отделения банка, мно- жась худыми створками жалюзи и сверкающим боком запо- тевшего кулера. Обычно серые лица клерков покрывала сей- час церковная позолота, а их блузки полыхали белым огнём, напоминая то ли сияющие латы, то ли саван. Солнце лучше одушевляло пространство, чем погрузневший на окне, буд- то наказанный, фикус. Из пронумерованных ниш автомат- ными очередями стрекотали клавиатуры, расстреливая еже- месячный отчёт. Пахло скошенной травой, пластиком и ле- нью.

Беглов сидел в дальнем конце зала, под круглыми часа- ми, лицом ко входу. Сизый неуютный стол, с висевшей над ним цифрой пять, был укрыт камуфляжем бумаг и казался маленьким на фоне высокой, широкоплечей фигуры: заго- релый, коротко стриженный брюнет со слегка округлым, ря- женным в бородку лицом, он походил на киноактёра, полив- няшего, как рептилия, и примерившего корпоративную че- шую. В несимметричных гнёздах глазниц проклюнулись два тёмных пятна: усталое и пристальное.

Слева в когда-то прозрачной кружке непроглядной чёрной сметаной обитал чай. Чайные подтёки хищно напозлали на золотые угловатые буквы «БЭСТБАНК», опоясывающие стеклянный бок, а один, коснувшись бумаг, отметил их прерывистым нимбом. Стрелочка на рабочем столе монитора робко облизывала очертания венецианских зданий и каналов – чем точнее, тем лучше. Беглов умел выглядеть занятым и лояльным.

Он потянулся к кружке и замер с уже занесённой рукой – редкие прожилки нечаянного блеска накрывали поверхность чая чёрной мраморной плитой, по которой, как бисер, хаотично скользила трехмерная мошка, угодившая в двумерную ловушку. Оттопырив одно крыло, она стала похожа на какой-то мрачный парусник., а её лапки напоминали острые ломаные мачты, торчащие в разные стороны, как застывшие молнии; на брюшной палубе толпились неподвижные тени экипажа, безмолвно и покорно нёсшие службу на судне. Были ли глаза у этих теней? Быть может, там, откуда они пришли, глаза не нужны...

Беглов глядел уже сквозь кружку куда-то в волнительную сладость прошлого, где почти нельзя дышать. Облезло-лазурная палуба речного трамвая, по которой, как призраки, ходили запахи корабельного дизеля и пошлых фруктовых сигарет; измученная, но бодрящаяся женщина, поводом нежного, бритвенно-острого голоса сквозь рокот двигателя удерживающая от беготни троих сыновей (двое толсто-

щёких и один очень худой, но все трое – в очках); вечно голодные чайки, на радость экзальтированным пассажирам ловящие на лету дармовой хлеб, игнорируя окурки и другой карманный мусор; алмазы брызг из рассекаемых бортом промасленных вод.

Лоскутным одеялом проносились его образы и чувства, отказываясь собраться в общую панораму. Молчание сосен у изрытого ласточкиными гнёздами песчаного обрыва, с которого в ледяной туманной липкости скользишь, пораненный зарёй и гремучей осокой, едва не роняя громоздкие снасти. Горьковато-сладкое дыхание заросшего тиной поворота берега и глухой перестук ракушек, зачем-то собранных неуклюжими детьми (красивыми и визгливыми) в обречённую под солнцем кучку.

Пёстрые кадры, непонятно как отобранные из разных историй, будущие воспоминания, свои и чужие, и разрозненные архетипы втискивались друг между друга, как карты в пасьянсе. Вот выворачивающая наизнанку качка: в тот майский шторм в заливе их маленький туристический катер, придавленный коммунально-серым, с белыми пролежнями, небом, почти беспомощно носило между грязных и посмуглевших от плесени кирпичей заброшенных фортов; страх за жизнь и стыд за морскую болезнь, густо распухнув, как тяжёлый газ, вытеснили с палубы весь воздух и окутали склизкими объятиями обездвиживающей человечьей незначительности перед безрадостными, гулками, навязчивыми ударами

тошнотворно-бурой воды. Потом пили кофе.

Вместо Беглова был уже только бестелесный созерцатель, с нарастающим волнением наблюдавший за случайной смесью мотивов, форм, красок, мест и героев. Невыносимой стала близорукость сознания, видящего лишь отдельные мазки на полотне и упускающего сюжет с беспомощностью самообреченного, который прыгает с моста и осознаёт, что все его проблемы, в общем-то, решаемы, кроме одной: он уже летит с моста.

Потеряв управление, Беглов рухнул в своё тело за спасительно понятный стол. Быстро перевёл взгляд с кружки куда-то в канцелярскую толчею, чтобы потом глубоко вздохнуть, расстроенный, что не справился с потоком чувств, что не оформил их в единый сюжет, и что моргнул, когда обыденность задрала подол своей строгой юбки. И слева теперь лишь забытый холодный чай, в котором почему-то еще барахталась крошечная нежить.

Беглов задумчиво подвигал бумаги, смахнул со стола остатки мыслей и несуществующие пылинки, положил руки на клавиатуру. Поддавшись порыву ответственности, открыл какой-то документ и бессмысленно запрыгал курсором по ровным рядкам ячеек, но через минуту всё же остановился и поднял глаза, глянув через зал на коллег. Их бедные лица застыли в гримасе хмурого энтузиазма и какой-то незыблемой сосредоточенности. Во взглядах грохотал бой амбиций с ленью, кто-то даже закусил губу. Беглов внезапно на-

шёл себя страшно одиноким дефектом посреди этих необъяснимо замотивированных людей. Какой внутренний договор они заключили с собой, чтобы так исступлённо и одухотворённо, как молитвы, бормотать вычитываемые тексты договоров чужих? Было в этом что-то до нелепости траурное. ровные иконки лиц, имя-фамилия чуть пониже, эпитафия должности на бейдже, пластиковая оградка в полтора метра и укоризненно привязанная к стойке ручка, как могильные гвоздики с надломленными стеблями – чтобы не утащили на перепродажу.

Почему я еще здесь? – подумал он и ощутил – в который раз – нежное прикосновение образа и замер, замечая, как втянулось и ударило от груди к голове, а потом застучало быстро, почти задрожало. Будто сверяя сделанный по памяти набросок с оригиналом, повернулся вправо: там, в вязких солнечных лучах, будто замедленные этой янтарной гущей тонкие музыкальные пальцы заправляли за маленькое, розовеющее под светом нежное ухо прядь каштанового шёлка. Гладко блестя вдоль стройных линий горячей шеи, локоны терялись где-то за воротом блузки из мягко сияющего жемчуга, будто для того, чтобы ищущий их взгляд повстречался ниже с чувственной ложбинкой ключиц.

Ей легко удавалось находиться в почти скульптурных позах, выверенных и изящных, но сейчас, опершись локтями о стол и робко приобняв себя за поднятые плечи (как это получается только у женщин), с несколькими непослушными

(как после сна), хорошо заметными на свету волосками на склонённой голове, она приобрела какую-то нежную детскую непосредственность – всего на один ослепительный миг, в котором, как в призме, собрались и вспыхнули разноцветным призраком мечты и грёзы, чтобы потом эти радужные кусочки сложились будто в сюжеты мозаик и витражей самого прекрасного из храмов, потому что если вы собираетесь строить дом для высшего идеала, то вы строите нечто красивое, чтобы показать место, где он живёт.

Беглов замер в оцепенении, – в этот момент в него вмещался только оглушительный трепет, и не осталось места для движения. На краю сознания засверкали растянутые в красное солнечные лучи, летом – вечерние, гостеприимно и учтиво приглашающие тебя в расслабленный послерабочий мир, живой, участвующий в твоей судьбе где-то между свежим, хлебно-цветочным воздухом улицы и нервными гудками кашляющей сутолоки машин. И эти румяные хрустальные потоки вот уже, были здесь, на столе и всюду, но вечер сегодня особенный, и его посланники несут на себе волнение, растущее вместе с тенями. Надо же было – пригласил. И как она согласилась?

2

Щелчок. Резкий щелчок, как швейцар, распахнул дверь банка, размножился в его подсвеченном нутре, забился о стены, встряхнул Беглова и сухой шрапнелью поприветствовал входящего.

Сутуловатый мужчина в потёртой кожаной куртке, красная папка в руках, вошёл в зал, и его взгляд, гордый и влажный, как редкие волосы по периметру залысины, заскользил по нумерованным окнам, пока не остановился на брюнете за столом прямо напротив входа. Тёмные туфли бесшумно захромали по бледному кафелю, и под низкими скошенными надбровьями с каждым его шагом твердел серо-голубой лёд.

Он приблизился к пятому окну и прошелестел что-то, будто вытащил клинок из ножен. Дождавшись ответного приветствия, секунду помолчал, слегка наклонив голову и разглядывая бейдж Беглова. Затем заговорил, и потрескавшаяся глина его лица пришла в движение: отчетливее стала горизонтальная складка на переносице, резче проступили борозды на бугристых щеках, и даже цепкие глаза глубже погрузились в колодцы глазниц.

– Константин! – имя он произнёс одновременно хитро и требовательно, как будто с вызовом. – Я за учёбу пришёл платить... У вас можно?

– Если за университет...

– Да, – (нетерпеливо).

– ... тогда вот в четвёртое проходите или в любое другое, – Беглов указал на правое от себя окно, туда, куда сам смотрел минуту назад. Мужчина бросил быстрый взгляд в сторону, затем вернулся к большим, навывкате, тёмным глазам и процедил с уже нескрываемым раздражением:

– Так вот я сейчас в «любом другом». У вас почему нельзя? Вы тут чем занимаетесь вообще?

– Простите... Вам нужно... Простите, как вас зовут? – Беглов постарался выбрать самый вежливый тон.

– Михаил...

– Михаил, вам нужно...

– ...Сирин Михаил Игоревич, – перебил мужчина (казалось, скорее себя). Затем, не дожидаясь ответа, быстро развернулся и, хрипловато дыша, подошёл к окну номер четыре. Беглов проводил его внимательным взглядом.

– Александра! Добрый... таак... пока еще день!.. – снова напускное лукавство в интонации. За прозрачными перегородками речь Сирина была уже не так хорошо слышна, но эту фразу Беглов успел разобрать. Послышалось шуршание бумаг и обрывки диалога, когда кто-то из них попадал наконецником голоса в его сторону.

– Учёбу оплатить... Да... Дочкину... Второй...

Несколько секунд молчания, пока в четвёртом окне Саша изучала документы.

– Михаил Игоревич, а вы до этого где... – её голос тоже

тонул в окружении.

– В другом... Не у вас, да...

– Да один хер вы все в одной системе-то!.. – неожиданно резко выпалил мужчина на быстром выдохе, после чего немедленно зашёлся долгим, надсадным, судорожным приступом оглушительно громкого кашля. Справившись с приступом, он собрался что-то добавить, и в этот момент откуда-то из глубины его фигуры зазвенела приглушённая, но пронзительная трель. Извлеченный наружу мобильник еще громче взревел скрежещущей полифонией. Несколько секунд прищуренного разглядывания номера слезящимися от кашля глазами.

– Алло, да, Витюш, – заголосило раскрасневшееся лицо, – да-да, успеваю... Да, я помню, ага... Сейчас в банке вот... Да Юльке вот институт... Ну да, она ж как твой почти, помнишь... Да-а... Кхе... Витюш, да я расскажу сегодня, как встретимся, да... Ну всё, давай, ага, да.

Он повесил трубку и еще долго подслеповато разглядывал на вытянутой руке экран телефона, нахмутив редкие брови и слегка выпятив губы.

– Михаил Игоревич, картой или наличными? – напомнила о себе Саша.

– Наличными, – с мрачным спокойствием ответил Сирина, убирая мобильник. Затем потянулся к внутреннему карману куртки и достал прозрачный пакет с застёжкой. В пакете томилась пачка мятых банкнот, туго опоясанная синей канце-

лярской резинкой.

Он медленно распечатал упаковку, снял резинку, обстучал пачку о стол и собрал её в аккуратную колоду.

– Александра, вот ответьте, – неожиданно спросил Сирин, протягивая купюры девушке, – вы сколько тут получаете?

Саша бросила на него удивленный взгляд и быстро забрала деньги.

– Я не могу это разглашать.

– Не можете... – он опустил глаза и постучал пальцами по стойке. – Мне просто любопытно... Почём нынче Родиной торгуют?

Девушка замялась и промолчала.

– Вы же тут вот сидите, Александра, получаете какую-то зарплату за то, что кормите американских воров, которые честных людей обдирают по всему миру...

– Михаил Игоревич, я просто принимаю...

– Да знаю я эту песню вашу! – в душном полусне банка нашатырный голос Сирина разбудил, казалось, даже утонувшую мошку. – Вы просто работу свою делаете. А я тоже вот делаю работу! И мне за неё платят не как вам, я себе телефоны и книжки электрические каждый год не покупаю! Я всё вам, гадам, несу! А вы потом себе новый офис строите на мои кровные, чтобы еще больше людей доить! А хозяйева ваши содержат частные армии, управляют интернетом, облучают нас своими антеннами, играют с климатом и вообще весь мир нагибают!..

– Михаил Игоревич, я просто принимаю платежи. Вам вот здесь нужно подпись поставить, – Саша протянула ему бумаги и осторожно посмотрела влево, встретившись глазами с насторожившимся Бегловым.

– Да ясно всё... – вздохнул Сирина. – Где галочка, да?

– Да, рядом там.

– Пожалуйста... Жалко что ли мне крючков... – он отдал бумаги и добавил спокойнее: – я знаю, конечно, вам нельзя это обсуждать всё. Но вы молодые ещё, шуточные, жизни не понимаете. Потом, может, поумнеете, одумаетесь. Только поздно уж будет. Не успеете моргнуть, как по нашим площадям чужие берцы зашагают. И никакой войны не надо будет, сами их впустите ради Кококолы вашей.

– Михаил Иг...

– Ой, да ладно! Всё! – он махнул рукой и развернул чек. Тщательно проверив документы, сложил их в бледно-красную, с потрескавшимися углами пухлую папку и с присвистом выдохнул, а затем, не прощаясь, развернулся и захромал прочь, мимо пластиковых стоек с рекламой ипотеки, чтобы в конце вновь щелкнуть дверь. От дверного сквозняка на окне пришёл в движение одноногий фикус: его огромные, глянцевые, тронутые сухой ржавчиной листья размешали солнце, длинными мятыми тенями ошупав каждый уголок зала и всех, кто был внутри.

– Саш, всё нормально? – напряжённый Беглов откатился на стуле и заглянул за перегородку.

– Да-да, какой-то странный мужик просто... Кажется, он догадывается, что мы американцев кормим. – Саша улыбнулась.

– И про антенны тоже! – с напускной серьёзностью добавил Костя.

– Это да... Только вот откуда он про книжки электрические узнал? Надо бы безопасникам нашим доложить, а то так и мир нагибаться перестанет!

Они засмеялись.

Саша посмотрела на свой стол и вновь повернулась к Беглову.

– Кость, а сделай мне чаю.

3

– Во-вторых, Андриюш, вспомни, кто стал преемником Гитлера с тридцатого апреля сорок пятого года, после его самоубийства? Карл Дёниц! – натушно наседал Сирина, так энергично стараясь пронзить голосом плотную, многозвучную, музыкально-разговорную завесу бара, что в уголках его покрасневших глаз выступили слёзы. – Гроссадмирал, главнокомандующий ВМС Германии! Он, между прочим, одним из немногих был, кому фюрер доверял в последние свои недели, вот Гитлер ему и завещал свой пост. Как говорится, совпадение? Не думаю.

– Миш, ну ты притягиваешь! Это вообще ничего не доказывает, так просто...

– Как это не доказывает?! Как незаметнее всего спасти хотя бы часть высшего руководства страны, ученых, технологии и, там, предметы искусства всякие? На подлодках, да! Кто главный по подлодкам? Дёниц! Гитлер формально передаёт власть Дёницу и оставляет в бункере двойника, чтобы инсценировать свою смерть. Дёниц даёт последние распоряжения флоту, опираясь на заранее разработанный план, а сам остаётся в Германии, опять же, чтобы отвести подозрения, да. Гитлер вместе с флотом и грузами садится в подлодку и всё, Антарктида! А там уж что-что, а бункер немцы-то смогли бы построить, ха-ха! – Сирина надсадно кашлянул, потом

еще два раза тяжелее и резче, затем приглушённым голосом продолжил: – С холодами не справились бы? Арийцы-то? И рыбы полно там, я по телевизору смотрел, да. Тюлени всякие водятся. Пингвины, ну, медведи белые, на крайний случай. Вообще живности много в холодных течениях – это научный факт.

– Миш, белые медведи в Арктике живут... – с некоторой заминкой поправил Андрей.

– Витюш, ну ты ему скажи!

– Ну, я слышал такую теорию, звучит жизнеспособно, так сказать, – кивнул в ответ Виктор. – Уж больно много всего они успели создать, там громадная бюрократическая машина была, технологии... На Луну всё собирались, как я читал...

– Собирались! – криво передразнил Сирин. – Знаешь, что они «Фау-2» свои в ближний космос запускали первыми в мире? Урановые реакторы у них были? Были. – Он начал загибать пальцы. – Вычислительные машины были? Были. Ресурсов за годы войны накопить наверняка тоже успели немало и припрятали их в укромных местах – почти полмира же на их стороне воевало. И как, по-вашему, случайно что ли совпало, что многие немецкие учёные после войны были приглашены работать в США, а потом американцы всего через двадцать с небольшим лет в космос полетели? Еще одно совпадение? Чудес-то не бывает! Немецкая наука с космосом была на короткой ноге! Они не просто туда летали, они там обжились, я смотрел, там профессор один выступал, не

помню откуда, ну какой-то известный историк. Послушайте, что бывшие космонавты говорят про обратную сторону Луны...

– Не, Миш, ну это совсем... – перебил Андрей. – Ну, какой космос, они бы на Луне точно выжить не смогли, там же, ну... Базы какие-то нужны, а это ресурсов тьма, технологий, времени. Откуда...

– Плохо ты историю учил! – менторским голосом, с лёгкой, снисходительной полуулыбкой перебил Сирин. – Немцы зачем, думаешь, в начале сороковых всё на Кавказ рвались? За нефтью? Ну, в том числе, конечно. Но в Среднюю Азию-то им зачем, в степи эти глухие и в горы гималайские? Там нефти нет!

Он подался вперёд и заговорил вполголоса, будто передавая хрупкий секрет из рук в руки, чтобы не уронить.

– Они Шамбалу искали...

Все переглянулись.

– «Аненербе» столько экспедиций туда отправляло! Вы слышали, само собой, мол, то тут группа потерялась, то там целый отряд горных егерей пропал без вести. Кто их знает, что они там нашли! Или что их нашло...

– Н-да, интересно, Мишань, – задумчиво протянул Виктор. – Я об этом и не думал никогда. Андрюш, а что ты на *это* скажешь?

– Ну, ты знаешь, что я скажу, – он пожал плечами и мотнул головой, словно это был знак отказа от соучастия в чём-то

постыдном.

На несколько секунд они замолчали.

– Миш, ты пиво будешь ещё? – спросил Андрей, ретируясь из зоны поражения еще не сдетонировавшего темперамента Сирина. Тот бросил взгляд на остатки своего пива, затем на, кажется, давно уже пустые бокалы друзей и рассеянно кивнул.

– Такое же, да? – Андрей полновато встал, шумно распрямившись во весь свой большой бежевый свитер, как будто разлучённый с такими же бежевыми волосами загорелым пятном лица. – Ну мы с Витей сходим, мне одному не унести.

Виктор надвинул крупные очки вдоль пористого картофельного носа повыше к переносице и тоже заёрзал на диване, неуклюже пододвигаясь к краю и вылезая из-за массивного дубового стола на чугунных ногах, путаясь при этом в мешковатой пестроте светло-серого, грустного, в безвкусную клетку пиджака, какие бывают только у холостяков. В сочетании с рябиново-рыжими волосами образ становился неправдоподобно цирковым, словно сейчас он скрутит надувного пуделя или комично кувырнётся.

– Миш, когда мы вернёмся, напомни рассказать про машины, – интригуяще произнёс Виктор, оправляя пиджак и на секунду задержавшись у стола, – тебе понравится.

– Ладно, Витюш, давайте только шустрее, я обещал сегодня пораньше домой.

– Помню-помню, – он закивал и поспешил за Андреем,

быстро зашагав по приятно гулкому деревянному полу, тронутому рябью времени.

4

– Вить, вон смотри, там табличка точь-в-точь как у меня на старом доме была, где мы с бабушкой жили. – Андрей указал на декорированную стену, когда они с Виктором уже стояли у барной стойки в ожидании пива.

– У меня вроде такая же была... А может и не такая, хрен его знает уже, они ж старые совсем.

– Открытки, смотри, плакаты всякие... тарелки расписные. Красиво! Мы когда с Верой в Чехии были, тоже такие видели в барах их местных – и в Праге и в Карловых Варах. Их там делают где-то недалеко. Лепнина всякая на стенах, бирюльки, вымпелы какие-то! – Андрей водил руками в воздухе, указывая сразу во все стороны от себя. – А вон реклама табака вроде, дореволюционная как будто. Смотри, Вить...

– Андрюш, да... Ты вот скажи лучше, ты чего сегодня бухтишь всё за столом? С Мишаней всё споришь, так сказать, отвечаешь ему как-то резко. Я же просил тебя: не нравятся тебе его истории, ну потерпи просто, помолчи, покивай. Мы же его специально, так сказать, вытащили, чтобы он общался с нами как-то, выговорился, успокоился немножко. Ну ты же сам знаешь, как ему непросто сейчас – человек днями и ночами всякую, так сказать, чернь пьяную возит, чтобы денег Юльке собрать на лекарства и вот теперь на институт еще...

– Да я понимаю, Вить...

– Потому что где ему ещё работать после ухода? Он знаешь как переживает? Он ведь, так сказать, нигде себя больше...

– Да, я это всё помню, только...

– Вот! Ну вот и представь, каково ему! Да ещё Наташа мозги ему, так сказать, пилит с дачей этой и матерью своей полоумной...

– ...которая везде кэгэбэшников видит, да-да, Вить, я это всё понимаю! Но у меня-то работа тоже не сахар, как и у тебя, между прочим! Нас вот кто пожалеет? Ладно, мы с тобой пока не дряхлые и на жизнь не ноем, хотя есть на что, но вообще-то так неправильно! Мне на службе тоже говна хватает, я тоже расслабиться хочу, мало нам что ли тем для разговора? Почему мы про ГМО эти говорим и про Гитлера, Вить?! Ну бред же, ну бред!

– Да ну почему сразу бред, Андрюш...

– Вить, я понимаю, вы оба скучающие, хобби нет никаких, сидите всё чушь какую-то читаете в интернете. Но ты же не блондинка из телевизора, Виктор Дмитриевич, и не алкаш деревенский, почему ведёшься на всю эту ерунду? На работе же ты не лох и не веришь каждому задержанному, что он святой и ничего не совершал. А тут чего?

– Андрюш, ты вот не учи меня жизни, ты сам не эксперт же в этом, ну, в истории, в политике, так сказать, откуда тебе знать, что это неправда всё?

– Да потому что для меня это звучит глупо, а я всё-таки не мальчик и кое-что понимаю, – Андрей на секунду прервался, забирая у бармена два бокала пива и кивком указывая Виктору на третий. – Мишкинохвати, ага, и картошку... Короче, Вить, ладно, я постараюсь помягче быть и не принимать всё близко к сердцу, но и ты тоже его не накручивай на конспирологию эту. Давайте о футболе поговорим или, там, о хоккее или о чём угодно, только не про нацистов, блядь, на Луне!

– Ладно, не бухти... – мрачно ответил Виктор, медленно лавируя с пивом в толчее у стойки.

Подходя к столу, Виктор улыбнулся скучающему Сирину, поставил перед ним тёмное, с шевелящейся карамельной пеной пиво, большую корзинку блестящего в масле картофеля фри, плюхнулся на диван и вновь неловко завоzilся, продвигаясь в свой угол. Андрей, потирая влажные от запотевших бокалов ладони, сел рядом, пододвинув одно пиво Виктору.

– Миш, ты стены видел? Вымпелов вон сколько! – заговорил Андрей, стараясь придать голосу больше заинтересованной интонации. – Я там вроде и твоих красно-синих где-то видел.

– Да, пока вас ждал уж всё разглядел. Ну, нормально. – Сирин перевёл взгляд на Виктора: – Витюш, про машины чего там ты говорил?

– А, да! В общем, читал тут недавно, – оживился Виктор, –

что, оказывается, – не знаю уж правда или нет, но аргументы хорошие, – так вот, читал тут, что, оказывается, нас с вами давно обманывают!

Андрей шумно выдохнул и отхлебнул пива.

– Андрюш, ну ты не вздыхай, ты послушай. Вот... Там говорится... Это, кстати, какой-то военный эксперт заявляет, бывший агент то ли ФБР, то ли ЦРУ, не помню... Так вот, он заявляет, что обнаружил в мире множество ангаров, битком забитых новенькими, с нулевым пробегом, машинами самых разных производителей. Множество! Некоторые модели уже не совсем, так сказать, новые, то есть пылятся там довольно давно, – Виктор многозначительно улыбнулся, взяв короткую паузу.

– Ну и? – Андрей поднял бровь.

– Ну а зачем их там хранить? – хитрая улыбка не сходила с его лица.

– Не знаю... Не продались вовремя. Кризис, спрос упал, потом они не актуальные уже были.

– Нет, Андрюш, это не спрос упал, это челюсть у меня упала, когда я прочитал выводы эксперта!

Андрей снова выдохнул и отвернулся в сторону.

– Ясно. Ладно. Не будем тогда, – произнёс Виктор подчёркнуто обиженным голосом.

– Витюш, да ладно, продолжай ты, ну! – Сирин раздражённо дёрнул руками и глянул на нахмурившегося Андрея, затем, мягче, с полуулыбкой: – Он не понимает ничего, в жиз-

ни не разбирается.

– Вить, ну говорили же с тобой!.. – загорелое лицо Андрея потемнело.

– Короче говоря, – быстро продолжил Виктор, примири-тельно глянув на Андрея, – спрос никуда не падал, потому что его и не было! Машины плохо продавались, потому что производители делали их из расчёта на семь миллиардов человек, а людей на планете, на самом-то деле, гораздо меньше!

– Блядь... – засмеялся Андрей и вновь отпил из бокала.

– Ну а чего ты, Андрюша, блякаешь? Не первый год живешь! Нас специально обманывают, чтобы оправдать повышение цен! Мол, ртов так много, всех не прокормишь – дефицит, так сказать! Значит и цены можно завышать под этим предлогом!

– А я-то думаю, чего это мы всё беднее и беднее живём. Это вот эти суки из Бельведерского клуба нам всю кровь пьют! – Сирина хлопнул ладонью по дубовой столешнице, попав под перекрёстный огонь взглядов с соседних столов.

– Бильдербергского... – вставил Андрей, озираясь.

– Чего?.. – переспросил Сирина.

– Он называется Бильдербергский клуб. И да, это собрание всяких мировых шишек, но мало ли что они там делают... Может просто знакомятся друг с другом и кокаин с девочками кушают, – Андрей развёл плечами. – Я коммерсам этим тоже не доверяю. Ну, знаешь, такие деньги честным

трудом не заработаешь, но, думаю, никаких заговоров они не строят. Мне кажется, почти все проблемы в мире от людской тупости и некомпетентности, а не от каких-то тайных лож. Как сказал один известный писатель, не помню, правда, имени: «Миром правит не тайная жога, а явная лажа».

Сирин громко хлопнул пивом, повернулся вполоборота к Андрею и произнёс одновременно снисходительным и хищным голосом:

– Андрюш, ты вот взрослый мальчик, а в сказки веришь! Конечно, они там просто так собираются – банкиры, министры, коммерсы. В огромном особняке и раз в год, ага. Ну голову-то включи, они же однозначно свои тёрки там трут, делят бабки и власть!

– Может и делят, а ты-то здесь с какого боку, старпёр? Без обид, Миш, ничего личного, просто ты им нахер не сдался, как и я, и Витька, и наши семьи все. Я пытаюсь сказать, что да, они там крутят налоги туда-сюда, навязывают тебе товары, продукты, страховки, пылесосы на батарейках, но вот лично ты, Сирин Михаил Игоревич, интереса для них не представляешь. Ладно еще, если б тебе тогда, ну... колено не задели...

– Андрюш!.. – вмешался Виктор.

– Ладно-ладно, Витюш, нормально, – перебил его Сирин. – Ну так чего там с коленом моим?

– Если бы не твоё... ранение, остался бы на службе – тебе ведь там нравилось очень – может дорос бы до высоких

каких постов. Думаю, да, дорос бы, с твоим-то рвением. Вот тогда может и стал бы хоть какой-то интерес для *заинтересованных* представлять, хотя в это я тоже не слишком верю. А так, Миша, кому мы с тобой нужны!

– Может и так, Андрюш, но они ведь этими своими байками про перенаселённость оправдывают сейчас что угодно! Вот мы про пестициды начали...

– Миш, пожалуйста, мы же закрыли ту тему!

– Ну а чего... Ладно... Ну всё равно! Они же продвигают сейчас всякие социальные программы, а где социальное, там политическое! Так можно будет и войны оправдывать, за ресурсы-то, и слезку оправдывать, «чтобы повышать безопасность граждан в условиях напряженной социальной обстановки». Я вот войны не хочу, вот она мне где, наелся в молодости! И чтобы сопляк какой-нибудь штабной прыщавый за всеми моими шагами следил – тоже не хочу!

– Они у тебя и неровные еще, шаги-то! – засмеялся Андрей, стараясь разрядить обстановку. – Сопляк тот в картах запутается, на тебя глядя, ха-ха!

– Козлина ты, Андрюша, – усмехнулся Сирип в ответ и сразу же закашлял долгим, разрывающим, надсадным приступом. Взрывы кашля, как гигантские волны, вздымались один за другим над крохотными на их фоне шумами зала, бросая тень на все остальные звуки. Люди оборачивались к эпицентру этих взрывов, так пугающе вторгшихся в их пятницу.

– Всё страшнее кашляешь, – Виктор участливо подался вперёд, стараясь заглянуть Сирину в глаза. – Ты у врача давно был?

– Да сходил в апреле... нет... в мае – поставили мне эмфизему первой степени или как-то так. Якобы...

– Это рак что ли? – перебил Виктор, напрягшись.

– Да нет, это как бы ослабление лёгких и то ли воспаление каких-то участков, то ли там мокрота какая-то появляется, хер его знает, я не запомнил, там больше Наташка слушала, она со мной ходила, потому что там какая-то её школьная знакомая врачом работает. Так вот, это якобы от сигарет и малоподвижного образа жизни. Представляешь! Чего угодно напридумывают, лишь бы правду не вскрывать. Я ношусь, как белка ужаленная, целыми днями взад-назад! А у меня, оказывается, жизнь неподвижная!

– Кхе... Ну да! – Виктор ухмыльнулся, пригубив пиво.

– Мы-то с тобой оба понимаем, что это от нашего воздуха гнилого. Розу ветров нашу видел? От всех трёх заводов выхлопы несёт прямо в город, а не из города, как положено по всем этим... ну... нормативам.

– Вот, я тоже об этом постоянно своему Дениске говорю! А он упёрся и нет, мол, хочу с матерью и отчимом в центре жить, за городом у тебя неудобно. А вот когда в тридцать лет начнёт, так сказать, по врачам бегать – уж поздно будет! Надо рассказать ему про эту... Как ты говоришь?

– Эмфизему, – напомнил Сирин.

– Да, вот! Надо записать... – Виктор закопошился в просторной утробе пиджака, выуживая замусоленный блокнот и дешёвую ручку без колпачка. – Расскажу ему про дядю Мишу, он тебя помнит же. Расскажу, как ты загибаешься сейчас от кашля, может, одумается, ко мне переедет.

– Витюш, ну я не то чтобы очень загибаюсь, просто... просто...

Как мелодия в захлопнувшейся музыкальной шкатулке, его мысль, карамельной патокой вплывающая в зал из цветущего летнего вечера, прервалась, отсеченная острыми краями двух силуэтов, возникших в зевнувшем дверном проёме.

Сирин узнал тяжелые медные глаза над лёгкой щетиной, мягкие плечи в полиэстеровом пиджаке, взволнованное выражение полуспонтанных рук. Рядом, в нежном холоде серо-зелёных глаз, – гладкие волосы, забранные за слегка остроконечное ухо, словно бывшее продолжением выступающих скул. В сопровождении его внимания пара прошла к столу с меловой табличкой «Константин» (конечно, у окна, куда, как на витрину, сажают самых красивых) и, неловко и так неуместно лязгая стульями, смущаясь и пересмеиваясь, они сели друг напротив друга, улыбка к улыбке, обратив к Сирину тлеющие в алом солнце профили.

– Знакомые твои? – спросил Андрей окаменевшего друга. Тот молчал, и немигающие глаза, шевелящиеся ноздри и второй подбородок сделали его похожим на большую старую ящерицу.

– Миш!

– А? – Сирин вздрогнул.

– Я говорю, знакомые твои? – переспросил Андрей уже осторожнее.

– Да нет... Ну, то есть... – он замялся. – В банке их видел сегодня. Работают они там.

– Так ты их знаешь?

– Да нет, говорю, просто узнал их сейчас! – Сирин раздражённо дёрнул руками. – Вывели они меня сегодня. Как обычно всё: деньги неси, в это окно не плати, бумажку давай, бумажку подпиши. Думал – всё, уехал оттуда и как минимум полгода их морды не увижу, так вот они здесь теперь, гады!

– Ну ладно, Миш, ты же с друзьями здесь, а не с этими, чего так нервничаешь?..

– Я не нервничаю...

– Мишань, – мягко произнёс Виктор, – ну забудь ты, подумаешь, срать-то на них! Кто вообще любит в банк ходить?

– Да чего вы привязались! Я же сказал, что нормально всё.

Сирин опустил глаза. В полыхающих отсветах улицы, за которую пряталось солнце, его потемневшее лицо сорта «Изабелла» напряглось, и осиротевший взгляд, лишённый спокойствия, заметался по столу. Виктор первым нарушил молчание:

– Мишань, так тебе врач-то что сказал? Лечить как-то надо эту твою... эмфизему? Таблетки какие-то?

– Ну, говорит, сначала нужно полностью бросить курить и

раз в месяц у него наблюдаться, «следить за динамикой». А чего там следить, если это не от сигарет? Мало того, что роза ветров у нас поганая, так еще и олигархи нас ядом поливают, только никто этого не знает!

Сирин подался вперед и заговорил чуть тише, слегка покачивая головой в такт интонации:

– Вы вот слышали про химиотрассы? Их ещё на Западе называют «химтрейлы».

Андрей подпёр рукой лоб и прикрыл глаза. Виктор бросил на него быстрый и почти равнодушный взгляд, а затем обратился к Сирину:

– Это дороги какие-то?

– Нет, не дороги, – ответил он с многозначительным видом, прищуривая глаза и отправляя в рот картофель фри. – Видели, за самолётом белые полосы тянутся? Разумеется. Думаете, это конденсат такой? *Чисто гипотетически* – да. А на деле – нет! Учёные доказали, – это не я придумал, это реальные учёные какие-то уже доказали – что конденсат исчезает за несколько секунд, как обычный пар. А эти следы часами в небе висят. Дальше нужно продолжать?

Он сделал паузу и, не дождавшись ответа, продолжил:

– А почему всё так? Потому что это не конденсат! Это так называемые химиотрассы. Олигархи платят авиакомпаниям, а те втихую распыляют токсичные металлы: алюминий, барий, стронций, ещё что-то там, всякие ядовитые газы, вирусы и микроорганизмы, сделанные в лабораториях. При помощи

– угадай чего – при помощи генной инженерии, верно! Так нас травят с воздуха, как тараканов, чтобы сокращать население Земли. Всё очень просто.

Виктор воскликнул:

– Ого! А потом еще рассказывают, что у нас планета тесная! Они вот нас травят и в интернете следят везде, а сами кричат, что население растёт, чтобы нашу бдительность, так сказать, усыпить!

– Вот, верно мыслишь! На бумаге людей больше, а на деле – меньше. Красиво придумали, сволочи, а! – по лицу Сирина пробежала хищная улыбка, отразившая в себе гнев и восхищение.

– Одним злом другое прикрывают! – отозвался Виктор, копируя улыбку собеседника.

– Вот из-за этих уродов я и кашляю, а Юлька моя с детства на таблетках до конца жизни, а может и мать Наташкина башней тронулась из-за этого. А вот добраться бы до исполнителей! – его лицо искривилось, руки напряглись. – Я уж молчу про *главных*, но хотя бы до исполнителей! Такой большой заговор не построишь без огромной внедрённой структуры, это ведь всем понятно. Как у боевиков, помнишь, Витюш? Вот. И найти бы их, хотя бы самых нижних, да поспрашивать за это дело, как мы умеем.

– Н-да, спрашивать мы умеем, – усмехнулся Виктор. Его лицо приобрело вдруг необычайно сосредоточенное выражение, а затем он, после короткой паузы и слегка понизив го-

лос, добавил: – А где бы ты, Мишань, начал искать в первую очередь?

– Вить, ты серьезно? – не выдержал Андрей, откинувшись на стуле и разведя руки в вопрошающем жесте. – Кого вы там спрашивать собрались? Кого искать?

– Андрюш, мы с тобой говорили, – перебил его Виктор, – и я просил тебя не бухтеть на каждое наше слово, даже если ты себя, как обычно, самым умным считаешь.

– Самым умным?!

– Да.

– Я?! – Андрей окинул друзей яростным взглядом.

– Ну вот ты уже в который раз сегодня показываешь какой ты умный и какие вокруг все идиоты – пояснил Виктор.

– Да это вы херню какую-то несёте, шизоиды! Вечер потрясающих историй – одна лучше другой! Вы вот сейчас обсуждаете, как будете искать исполнителей всемирного заговора и потом им суставы выкручивать! Вы совсем придурки поехавшие?

– Ты аккуратнее, во-первых, с выражениями, – ответил Виктор, – во-вторых, мы ведь ничего не планируем, просто так болтаем и мечтаем, мало ли какие у нас мысли, никто ведь не пострадал! А, в-третьих...

– В-третьих, – перебил Сирин, – давай просто поспорим с тобой, Андрюша, *чисто гипотетически*, что вон те двое у окна точно что-то знают.

Он кивнул на Беглова и Сашу, на столе которых уже успе-

ли появиться тонконогие бокалы с розовым вином, будто впитавшим последние лучи закатившегося солнца. Девушка увлечённо что-то рассказывала и иногда словно бы рисовала пальцем в воздухе, сопровождая слова воображаемыми картинками, а её зачарованный спутник, колдовскими глазами объявший и её саму и созданные ею порхающие кругом фантомные образы, вставлял время от времени, видимо, какие-то шутки. Во всяком случае, Саша смеялась.

– Это которые из банка? – уточнил Виктор. Он провёл ладонью по рукаву своего мешковатого пиджака, будто растирая замерзшую конечность. – Не знаю, они вроде нормальные...

– Пф, нормальные... – Сирин усмехнулся и громко хлопнул пивом. Его правая нога дёргалась под столом, набивая быстрый ритм.

Андрей возмутился:

– Миш, ну ты же просто на них злишься из-за общения в банке, при чём тут какой-то заговор?! Я же вижу по ним – нормальные ребята, молодые, работу имеют, на свидания вот ходят, выглядят и ведут себя, ну, *по-нашему*.

– Наши вашим хуями машут! – резко отчеканил Сирин и расплылся в самодовольной ухмылке. Несколько человек за соседними столами удивлённо обернулись, но он вспугнул их, ощерив зубы и обдав каждого ледяной пустотой неподвижных глаз. Затем повернулся к друзьям и уже спокойнее, но с присущей ему менторской интонацией, продолжил: –

Как вот, по-вашему, выглядят иностранные заговорщики, а? Они маски носят? Или, может, значки в петлицах? Вы же взрослые мальчики, ей-богу, чего ерунду-то несёте? Любой заговорщик будет выглядеть неприметно! А ещё – эти двое ведь не просто где-то работают. Они *в банке* работают! Разве существует место, через которое можно влиять на жизни каждого смертного сильнее, чем через банк, а, Андрюша? Вспомни, что нам Терентьев говорил: «Всегда следи за своими деньгами! На гражданке тебя не силой, так бумажкой нагнут, которую ты сам же подписал». Как-то так он говорил.

Виктор закивал:

– Вот именно! Палыч прав был, как обычно! И...

Сирин перебил его:

– А банк мало того, что собирает кучу твоих данных, Андрюх, так ты ему еще и денег за это должен! Лучше места для контроля просто не придумаешь! И я тебе зуб даю, что вот эта парочка в курсе каких-то вещей, которые нам знать не положено!

– Господи... – тяжело выдохнул Андрей. – Так... Давайте притормозим, мужики. Пойду я отолью пока, а потом покурить сходим, подышим. Ладно, Миш?

– Угу... – буркнул он, поморщившись и переводя взгляд куда-то в настенное ничто.

Виктор несколько раз кивнул, когда Андрей встал из-за стола и удалился в дальний конец зала, где изгиб тяжеловесной чугунной лестницы приглашал вниз.

– Миш, ты не злишь на него только, он какой-то психованный сегодня, сам видишь. Он эти разговоры про политику всегда, так сказать, не любил, но обычно хоть не бесился. Не знаю уж, может на работе чего или...

– А... да плевать! Пускай сидит в своём выдуманном пузыре, – Ахнул рукой, будто отгоняя гнус, – Вить, послушай... Это очень важно.

Сирин подался вперёд и полушёпотом произнёс:

– Мы с тобой должны этих двоих поспрашивать! Я *точно* знаю, что они что-то знают!

При этих словах глаза Виктора округлились, а густые угловатые брови дрогнули, оступились и полого соскользнули к морщинному разлому лба.

– Ну... не знаю даже... Я думал, мы это не всерьёз. Мы ведь не всерьёз? – он рассеянно улыбнулся. – Совсем-то уж кого попало нельзя вот так...

Сирин молчал, но говорил испытующим взглядом. Ледяные цветы в его глазах пустили кровавые корни, которые будто дрожали под мокрой пеленой. Несколько секунд он смотрел так и шумно сопел, затем слегка поморщился, многозначительно вздохнул, перевёл взгляд на стол и быстро вернулся к глазам Виктора, после чего произнёс:

– Вить, я точно знаю. И ты знаешь. Или ты всё-таки не знаешь и сам не веришь в это, а только поддакиваешь мне?

Виктор замотал головой:

– Нет-нет, Мишань, я эту муть за версту чую, как и ты.

Надо совсем слепым быть, чтобы не видеть, что всё против нас, ну, простых. Но вот эти двое... Не знаю, Миш, вот так вот дёргать абы кого... Мне ведь и до пенсии уж всего ничего осталось, полтора года, считай.

– Вот именно! На пенсии тебя уже корочки не прикроют. А сейчас чего тебе будет-то? Надо сейчас хватать, пока горячие, и пока есть чем прикрыться! Ты ведь последний из моих *близких*, кто на службе остался. Скажем так, при полномочиях. Без тебя ничего не получится! – он едва успел договорить, как снова закашлял – несколько раз, оглушительно, надрываясь и краснея. Стол под ним слегка зашатался, и небольшая часть пива выплеснулась на столешницу. Два других бокала были почти пусты.

Отдышавшись, Сирип продолжил:

– Ты пойми, я и сам не хочу этим руки марать. Я ведь мирный человек, ты знаешь. И мы с тобой постараемся всё мирно сделать, аккуратно. Посидим с ними, побеседуем. Может, припугнём малость, чтоб не мялись. Само собой, до *расширенных методов* дойдём только в крайнем случае, если будут упираться. Обещаю.

Виктор вздохнул, поправил очки и бросил взгляд через плечо, туда, где сидели двое. Затем принялся задумчиво поправлять ремешок часов и через несколько секунд наконец осторожно ответил:

– А вот если они и правда, ну, *чисто гипотетически*, как ты говоришь, что-то знают, мы с тобой не нарвёмся? Ведь

если это такой огромный заговор, то мы на его фоне просто, так сказать, никто.

– А мы и так никто, Витюша! – Сирин покачал головой. – Мы и так никто! Но вдруг мы единственные, кто это видит? Тогда мы уже *кто-то*. Тогда на нашей стороне, может, и кто посильнее нас объявится. И тут важно помнить, что любой высокопоставленный человек рано или поздно рискует стать высокопосаженным, а то и высокоположенным, если как следует его прожарить! Подумай, как тогда может твоя унылая жизнь измениться. О Денисе своём подумай. О его будущем, которое *они* убивают. О том, как он тебя зауважает, когда узнает, что ты мировой заговор вскрыл и всех нас, получается, спас. Там уже не придётся тебе его уговаривать к тебе переехать – он сам будет тебя боготворить, вот увидишь!

В дальнем конце зала кто-то громко чихнул.

– О! – Сирин многозначительно поднял брови и улыбнулся, затем взял свой бокал, и только сейчас заметил, что пролил пиво. Беззвучно матерясь, он потянулся за салфеткой, несколько секунд пытаясь выудить лишь одну из целой аккуратной стопки. Виктор молча наблюдал. Казалось, он глубоко задумался.

– Да чтоб тебя, ссс... – зашипел Сирин. – Идиотские...

– Миш, я не знаю, – тихо выпалил Виктор. – Мне нужно подумать. Хотя бы посмотреть на них подольше, пока мы здесь. Может, так сказать, интуиция что-то подскажет. Так-то они и правда какие-то мутные, если приглядеться.

– Вооот! Вот видишь! Ты приглядиись, приглядиись. Главное только не упустить момент. Верно, а?

– Да-да, это верно, да... – Виктор рассеянно и как-то отрешённо согласился. Его тонкие сухие губы были плотно сжаты, отчего рот, и без того маленький на фоне крупного, обвисшего до шеи, растаявшего лица, походил теперь на зашитый морщинками разрез.

– Я понимаю прекрасно, что ты сомневаешься, – пояснил Сирин. Он утробно икнул и шумно, с шипением выпустил воздух, надувая щёки, а затем добавил: – Мне и самому тошно об этом думать, я же нормальный человек, не псих какой-то и не садист, ну. Но дело есть дело.

– Разумеется. Просто нужно подумать как следует и, так сказать, приглядеться, понимаешь? И нужно Андрею рассказать, – Виктор вытянул шею и поглядел куда-то в сторону.

– Да на кой чёрт он тебе сдался? Он вон какой надутый ходит, умник херов!

– Миш...

– Я ему ничего рассказывать не буду больше, раз он себя выше всех ставит! Думает, раз устроился хорошо в ЧОПе своём...

– Миша!

– ...так можно срать на всех? Раз у него денег больше, так он умнее всех стал? Это он в заграницах своих что ли посмотрелся всяких нигилистов и либерастов? Сидит, рожу сморщил, шизоиды мы у него, видите ли...

– О, вы обо мне уже! – пробасил появившийся за спиной Сирина Андрей, натянуто улыбаясь и опуская тяжёлую мясистую руку ему на плечо. Сирин дёрнулся, нахмурился и нервно встряхнул своё запястье с массивными часами на металлическом браслете.

Виктор заёрзал на диване и быстро ответил:

– Андрюш, да, мы тут, так сказать, обсуждали с Мишаней кое-чего, – он сделал маленькую паузу и добавил: – Короче, пойдём покурим? Я тебе там всё и расскажу. Мишань, тебе ведь Наташа запретила курить пока, да?

– Ничего она мне не запрещала. Это я сам просто решил попробовать потерпеть. Один хрен мой кашель не от этого, вот я и докажу заодно.

– Но ты ведь мне в начале вечера говорил...

– Ничего она мне не запрещала! – огрызнулся Сирин, хищно раздувая ноздри, однако злость в его голосе смешалась с какой-то многотонной очевидностью, закулисной истиной, которую невозможно опровергнуть, но нельзя подтверждать. Всего на мгновение его надменность, упрямая импульсивность и раздражительность улетучились под действием той скрытой, монументальной силы извне, и он сделался прозрачным и зыбким, как облачко мелкой водяной пыли на солнце, просвечивая удивительным узором лиц позади себя, но через секунду плоть его вновь обрела былую форму и произнесла привычным, хоть и надсадным голосом:

– Идите. Я жду здесь.

5

– О, а у меня тоже есть, вот здесь, на рёбрах, – Беглов дотронулся пальцами правой руки до левого бока, – сантиметров пять или шесть. На войне получил.

– На какой ещё войне? – Саша улыбнулась.

В зале приятно пахло деревом, сладким летним воздухом и её тонкими несладкими духами. Было по-тёплову странно чувствовать их здесь, вне пластмассовых стен банка – кажется, здесь им самое место. В розовеющих бокалах неподвижные бисерины пузырьков сбились в тесную упругую кучку. Саша была очень красивая.

– На холодильной, дачный фронт, – с притворно-серьёзным видом пояснил Беглов. – Война со старыми отечественными холодильниками. Их после Нулевой холодильной революции сослали на дачи и в деревни, а там они бунты подняли. Нас с ребятами направили на одну из таких дач.

– Начинаю понимать, – она продолжала улыбаться, но теперь удивление в глазах сменилось веселой искрой.

– Поначалу, как в кино, ничего не происходило. Я был наверху, на втором этаже, и в полутьме спускался на ощупь на первый по немного закручивающейся лестнице, как вон та, – он указал пальцем в дальний конец зала, где крупный блондин в светлом свитере всей своей бежевой массой взбирался по гулким чугунным ступенькам из-под земли, – только де-

ревянная, конечно. Вон, смотри, там как раз один из наших «разведчиков».

– Ага, у них там Главный Штаб, – девушка весело кивнула.

– Да! – хохотнул Беглов. – Так вот, спускался я в темноте по крутой лестнице и... попал в западню!

Он состроил многозначительное лицо и подался вперёд:

– Нога промахнулась мимо ступеньки, и я полетел вниз, прямо рыбкой или ласточкой, не знаю как правильно сказать. Прямо вперёд! И руки, вот так, в стороны. А внизу, у самой лестницы, *он* ждал меня. «ЗИЛ-63»! Полтора метра ледяной стали. Белая, с прямыми углами, машина смерти. Он мне на лету мощно врезал своим углом прямо по рёбрам.

По инерции продолжая улыбаться, Саша удивлённо и сочувственно вскинула брови.

Беглов продолжил:

– От удара меня развернуло в воздухе, и я приземлился на спину, вот так, звёздочкой.

– Ох! – она нахмурилась, однако полупрозрачная тень улыбки ещё лежала на её лице, будто осознавая, что уходить не время.

– Несколько секунд не мог вздохнуть от спазма и страха. Несколько секунд боли и ужаса, – Беглов театрально устался в стол и, понизив голос, заговорил быстро, без пауз, теряя воздух: – А этот... этот монстр просто замер рядом, беззвучный и непостижимый. Он просто замер, понимаешь? Он молчал! Он даже не гудел, как обычно!

Саша удивлённо рассмеялась.

– Я боялся пошевелиться, боялся смотреть на место удара, понимаешь, я боялся увидеть там своё бледное ребро, торчащее из свистящего и хлюпающего лёгкого, боялся увидеть свою оглушительно-серую смерть, но ещё сильнее, наверно, боялся, что мою смерть увидят близкие, не заслуживающее такого ужаса люди, и им будет страшнее, чем мне, а мне от этого станет ещё и неловко. Неловко умирать. Даже стыдно, пожалуй.

Девушка напряженно взгляделась в его лицо, словно смотрела сквозь вихрящуюся зыбь, дрожащий горячий воздух, за которым всё плыло, и частное разжижалось до общего. Эта противоречивость интонаций, незваная, как полуденный ужас, сбивала с толку. *Он шутит?*

– Кость...

– Да ладно, шучу! – словно прочитал её мысли Беглов. – Мне действительно было страшно, но я не об этом хотел рассказать. Я боялся посмотреть на свои рёбра, но когда через пару секунд всё же посмотрел – боже, сколько было крови! Весь бок, вся майка в крови! В общем, мои ребята тогда спасли меня. Сержант Ковальски буквально нёс меня на руках до госпиталя и всё шептал: «Герой, герой!».

– Господи, Костя! – Саша снова улыбнулась. Улыбка получилась милой и искренней. – Так тебя в больницу повезли?

– Нет, обмазали зелёной и всё. Ерунда.

– Понятно. Значит, мне лучше не подпускать тебя к холо-

дильникам.

– А где ты собираешься меня сдерживать? – сверкнул глазами Костя.

– Ну... не знаю. Я имела в виду... в целом, – она слегка покраснела.

– Ха! Да шучу я!

– Ну посмотрим, кто кого перешутит! – ответила девушка с весёлым вызовом.

Он секунду помолчал и заметил:

– А этот Штирлиц всё так и тарашится на нас.

Саша бросила быстрый взгляд туда, где сидели трое мужчин. За столом был один Сирина, а двое других как раз двигались к выходу.

– Друзья его одного тут оставили?

– Без курток вышли – курить, наверно. Хотя трудно представить, что *этот* не курит. Так же как трудно представить, о чем он там сейчас опять фантазирует.

Она задумалась и ответила, подмигнув:

– Думает, наверно, что мы с тобой прямо отсюда климатом управляем.

– Ха, возможно! Вряд ли он знает, что нам это только в банке можно делать. *Никакой магии за пределами Хогвартса!*

Они снова засмеялись.

– Ладно, чёрт с ним. Слушай, а твой шрам откуда? Я его раньше не замечал, – соврал он.

Девушка некоторое время смотрела на Беглова и молчала, а затем опустила глаза и после короткой паузы тихо и отрывисто заговорила:

– У нас был пёс когда-то. Ротвейлер, – она сглотнула. – Большой.

– Оу, я понял, можешь...

– Папа тогда был на дежурстве, мама готовила торт к его возвращению, – продолжала Саша ровным голосом. – Это был его день рождения. Я тогда только вернулась с танцев – в школе были весенние каникулы, и нам ставили занятия пораньше. Мы с Федей были в комнате, смотрели какой-то фильм про инопланетян. Федя – это наш пёс. Почему-то папе нравилось называть животных человеческими именами: он считал, что так правильно. Мне было тринадцать. Федя никогда не был агрессивным, ни разу никого не обидел, даже кошек не гонял. Несмотря на то, что случилось, я очень по нему скучаю, если честно.

– Саш... – он мельком, механически, почти незаметно, глянул на часы и обнаружил, что в руках появилась лёгкая зудящая дрожь, нарастающая вместе с волнением. Было трудно подбирать слова. Он так и не разглядел который час, но снова смотреть на часы не стал. *Чёрт, где наш заказ? Сейчас однозначно было бы самое время.*

– Всё произошло так быстро, но одновременно с тем я помню буквально каждый кадр. Мама зашла к нам в комнату, попросила помочь ей на кухне. Я слезла с дивана, хотя,

скорее, прыгнула, и не заметила, что Федя был внизу, на полу, у самых ног. Я хорошо почувствовала ногами его шерсть – гладкую и горячую.

Саша запнулась и несколько раз учащённо вздохнула.

– Он взвизгнул как-то высоко и протяжно, как будто скрипнул, и вскочил. И бросился к маме...

Беглову показалось, что внутри у него заворочалось что-то большое, склизкое и упругое, как живой осьминог. Оно истошно толкалось в желудке, конвульсировало в такт напуганному сердцу и стремилось выскользнуть наружу, ползя по пищеводу сильными цепкими щупальцами, которые вставляли в горле густым болезненным комом.

– Папа ещё не скоро должен был прийти, – её голос звучал всё более отрешенно. – В общем, случилось то, чего мы бы никогда не предположили.

Она снова тяжело вздохнула, набрала воздуха и продолжила:

– Я запнулась о Федю, полетела вперёд и разбила рукой стеклянную дверцу шкафа.

Беглов округлил глаза.

– Да, так и полетела – как ты сказал? ласточкой? – отсюда и шрам. Кровищи было! Побольше, наверно, чем от твоего холодильника! Я была на грани смерти от волоска! – Саша рассмеялась.

Он тоже хохотнул – нервно и отрывисто, с глухим резким выдохом. В груди гулко, утробно и неровно стучало. Он по-

тянулся к бокалу.

– Мама жутко перепугалась, начала какие-то ватки мне совать, а там нужно было одну хорошую тряпку – как потом папа сказал – и «скорую» вызывать. Даже Федя напугался. Но меня, как видишь, спасли. С тех пор я боюсь стеклянных предметов.

Она наигранно отшатнулась от бокала.

– Ну как? Я тебя перешутила?

– Ладно, победила! – улыбнулся Беглов в ответ уже чуть легче и мягче, всё еще контуженный разорвавшейся бомбой оглушительных образов, но немного успокоенный Сашиним игривым настроением.

Саша лукаво улыбнулась и заправила за ухо тонкую прядь волос, по которым тёплый свет ламп прокатывался гладкими волнами, будто перехватывая их сияющей лентой, игривыми кристалликами кружился в вине, мягко ложился на лицо и шею, пропитывая собой.

– Хорошо, тогда где мой приз?

– Приз? Ты хочешь приз... Хм... А я ведь тебе кое-что захватил! – вспомнил Беглов и потянулся к внутреннему карману пиджака. Он достал маленькую, как фото 9x13, записную книжку – тонкую, с обложкой под чёрную кожу. – Это мои записи и заметки. Помнишь, я рассказывал? Вот, пускай это и будет призом. Почитай как-нибудь, если будет интересно.

– Да... конечно помню, – она удивлённо посмотрела ему

в глаза. – А тебе они разве не нужны? Да и это ведь личное, как я могу читать?

– Ничего, с тобой я могу поделиться. Всё самое важное я перенёс в «цифру», так что забирай.

Он протянул ей книжку и с улыбкой добавил:

– Самое важное я перенёс, а самое стыдное – вырвал.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Она твоя.

Беглов спохватился:

– Это так просто, мелочь. Не то чтобы какой-то *подарок*.

– Хорошо, – Саша кивнула и забрала книжку. – Но не думаю, что это такая уж мелочь.

Смеясь, она добавила:

– Кстати, твои стихи про поросёнка и дракона мне очень понравились!

– Ха! Правда? – он произвольно вскинул брови, по-детски радуясь вниманию. – Мне казалось, их тогда не поняли. Думаю, текст был слишком сложным и абстрактным, вряд ли кто-то разобрался что к чему. Да и никто вообще не слушал, все ведь уже были синие и обсуждали, что Старков не получит перевод в Главный из-за того анекдота про Сергеевну. Ну и, значит, нам всем под ним вечно сидеть, а он ещё злее станет и начнётся...

– Кость, я слушала твои стихи, – перебила Саша, не обращая внимания на его рассуждения. На её лице отражалась глубокая заинтересованность. – И почти всё поняла. Только

почему поросёнка зовут Пётр?

– Кхм. Рад, что ты в самом деле слушала, – он смутился, осознав глупость своих рассуждений. Лицо обдало густым наползающим жаром, и почему-то зачесалась шея. – Ну, просто хорошее имя для поросёнка. Была ещё такая шутка в интернете – не буду вдаваться в подробности – там тоже был поросёнок Пётр. Он уезжал на красном тракторе из своей страны в эмиграцию, потому что там ему всё кажется лучше. А мой вот наоборот. Тут. И трактор чёрный.

– Почему у тебя наоборот? – она с интересом отметила, как красиво проступает румянец под его загорелым лицом. – Не хочет уехать? Или ты не хочешь уехать?

Беглов ненадолго замолчал. Он задумчиво крутил в руках зубочистку, стучал ей по столу и будто царапал что-то острым концом.

– Я не проецировал его на себя в полной мере, – продолжил он, всё ещё глядя в стол. – И тогда, кстати, история была короче нынешней, я там дописал немного. Финал не так важен, потому что в противостоянии поросёнка с драконом исход – это больше вопрос удачи, чем какого-то плана. Мне через эту историю хотелось просто лучше понять себя. Понять, скажем так, какого цвета мой трактор.

– И какой он? – Саша будто слегка подалась вперёд.

– Ну... Мой поросёнок в один момент понимает, что неважно, какого цвета трактор,.. – Беглов немного замялся, – ...неважно, какого цвета трактор, лишь бы был двухмест-

ным.

Она широко улыбнулась, не скрывая удивления.

– Двухместным? Красиво. А второе место для кого? Для Винни-Пуха?

– Ага! – засмеялся он. – Или для ружья. Помнишь, у Пятачка откуда-то нашлось ружьё?

Беглов секунду помолчал и пристально посмотрел на Сашу.

– Но лучше бы место было для Винни-Пуха.

6

Раздражение Сирина восходило в гору, сделав первый шаг где-то у подножия дня в ноющем колене, разболевшемся еще больше из-за так и не починенного за неделю лифта (хотя управляющая компания дважды присылала мастеров); сопя и покачиваясь, он то припадал к перилам, то в полуприпрыжку, морщась и матерясь, старался миновать побольше ступеней, скользких и хрустящих от пыли, затем совсем почти останавливался, задыхаясь и чувствуя, как глаза от головокружения будто проваливаются внутрь черепа, и как нестерпимо уже пронзает колено, и что тело его, бесконечно тяжёлое, старое, непослушное, кажется, совсем не нужно ему самому; на полпути к вершине раздражение повстречалось с кислым зловонием липовых луж, обступивших машину, открыло второе дыхание вместе со случайно потревоженным на дороге камешком, глупо выскочившим из-под чужих колёс и расчертившим кокетливую змейку трещины на лобовом стекле; она запетляла, как неясная тропа, к душной вершине, где пухло и упруго теснились раздутые от глупости и важности лица банковских клерков, и с этой высоты внутри Сирина что-то сорвалось, резко и обречённо, и затем гулко и влажно шлёпнулось на трясущееся желейное дно, пустив по нутру мучительные волны испепеляющего гнева.

Гнев стал самым надёжным механизмом, безусловно на-

строеным, безотказным и долговечным, с тех пор как ещё маленькая дочь неожиданно для самого Сирина стала хрупкой и эфемерной, плоской стеклянной копией самой себя, двумерной оптической иллюзией объёмной жизни. Гнев был самым верным слугой, преданность и выучка которого так же безусловны и тяжеловесны, как замедленное тщетным лечением её ускользание в бездну. И ещё гневом отапливали Трофейную, давно уже, правда, переименованную в Сожалейную. Огромный, с амбициозным размахом когда-то отстроенный зал часто видел гостей: затёртая до блеска, массивная, но разболтавшаяся дверная ручка, такие же зашарканые ковры и половицы, и ни пылинки на скучных, вторичных экспонатах. Юлина нерешительная и утомительная болезнь («не сейчас, а неизвестно когда»), простреленное колено, почётно уволившее Сирина со службы в мир, где он никогда не видел себя другим, трудные родственники, ненадёжная страна, бестолковые люди – такой была постоянная экспозиция его провинциального музея оправданий.

Несмотря на то, что этой коллекции по большей части хватало чтобы вызывать у людей сочувствующие кивки, сам он то и дело ощущал за спиной покашливающее присутствие недоказанности, недооправданности своей судьбы, потому что вещи не бывают – нет! – не могут быть такими простыми, и за каждой неудачей стоит, вероятно, нечто большее, чем случай, нечто глобальное, закулисно-корыстное, бесконечно тайное – непостижимое зло, которое иногда не вид-

но в упор, какие бы размеры оно ни приобретало (в отличие от добра, которое, даже маленькое, видно издалека). И сорвать эту маскировку можно только самой дерзкой, самой авантюрной диверсией – против устоявшихся парадигм как таковых, против заслуженных авторитетов и больших имён, нашептывающих миру как жить, во что верить, к чему идти – все они ошибаются, иначе мир не был бы в такой беде. Поэтому Сирина так притягивали и завораживали грохочущие шрифты афиш, сенсационные заявления, разоблачительные расследования – чем экстраординарнее заголовков, тем большее доверие он вызывал, ведь автор срывает покровы, автор несёт свет, автор – Прометей, играющий за твою команду.

Сирин сидел, подперев голову рукой с выставленным указательным пальцем, из-за чего его лицо криво вытянулось по диагонали, и левое веко больше обычного обнажило захмелевший глаз. Он уставился на молодую пару, словно старался прямо сейчас найти в них какие-нибудь понятные «да» или «нет», хоть что-то прочнее нанесённого ветром песка подозрений, хоть что-то, способное оправдать столкновение с будущей виной, минуту назад лишь возможной, а сейчас, казалось, неизбежной, хоть и трепещущей, как флаг на ветру, где-то очень далеко, за краем натянутой струны горизонта – там, куда уже упало солнце.

Их разговор стал оживлённее и легче, заметил Сирин, вместо неловких глуповатых улыбок на лицах чаще появлялись другие эмоции, градиентом переливаясь одна в дру-

гую. Сейчас брюнет, почему-то мрачно замерев, внимательно слушал подругу, а потом нервно и сдавленно выдохнул, отпил из бокала, и они оба засмеялись. Рядом, за вытянутым столом, кто-то громко говорил по телефону, перекрикивая блуждающие в пространстве взрывы смеха. Девушка что-то спросила, Беглов спохватился и потянулся к внутреннему карману. Достал какую-то чёрную... книгу! Нет, блокнот. Протянул ей. Забрала. Интересно. Это уже *очень* интересно! Достаточно ли интересно, чтобы прямо сейчас рвануть из-за стола на улицу, растрясти Витю, подтолкнуть его к действию? Пожалуй, да. Ну конечно да. Витя. И там Андрей с ним. Что им сказать? Ну разумеется:

– Витя, у них блокнот! Я же говорил! Да, блокнот! Он ей блокнот отдал, а сам – по сторонам глазами туда-сюда. Я видел только что! Ну так я давно тебе сказал, что нужно брать, а ты всё мялся что-то! Ведь говорил, что не просто так сидят здесь! Не просто так! Я же говорил! Андрюша, ведь я же говорил? Ну, чего молчишь? Вооот. Говорил. А ты всё бубнил что-то про меня. Вот теперь доберёмся до них, вскроем, и ты, Андрюша, может, и жизнь понимать начнёшь. А то всё сидишь в золотой своей клетке, да ещё и тряпкой прикрытый. Короче, ладно, не души хоть сейчас.

В общем, всё, Витюш. Давай. Можно брать.

В небольшой и будто мятой коробке кабинета горит с потолка длинная белая лампа. На непрочном стуле с руками за спиной сидит Константин. Он плачет, весь мокрый и розовый, часть волос взъерошена. Рядом – его жидкое, волнистое, илисто-чёрное отражение в лакированной тёмно-коричневой дверце шкафа с небольшим навесным замком – тоже плачет, но беззвучно.

Сирин делает три больших ровных шага через полкомнаты; старый, местами вспучившийся линолеум смягчает стук его берцев.

– Так что, повторяю: жопа тебе, Конс-тан-тин, – его голос звучит резко и гулко. – Не туда сунулись вы со своими сходами. До ваших компьютеров добраться было бы трудно, хотя и до них бы дотянулись рано или поздно, а вот книжка твоя – настоящее сокровище, ты понимаешь?

Он чуть подаётся вперёд.

– Понимаешь, что я тебе твоё шило в заднице на мыло поменяю?

Ледяные лезвия его взгляда кружат свистящим вихрем (будто сам воздух стонет от их касаний) и с хрустом кромсают загорелую плоть на лице Константина, сочащуюся яркими, тёплыми, густыми ручейками страха.

Сирин размахивается и наотмашь бьёт его тыльной сто-

роной ладони.

– Ну чего скулишь, сволочь?! Будешь мне сейчас выкладывать. Ясно тебе?! Да, будешь всё выкладывать, чтобы я всё наконец узнал. Нет, не наконец узнал, а просто: всё узнал.

Константин дважды всхлипывает, бросает быстрый, трусливый взгляд на Сирина и произносит:

– Ничего я не знаю.

– Ничего не знаю... – эхом отзывается Сирин и будто смягчается и как-то приосанивается, глубоко и медленно вдыхает и начинает прохаживаться по комнате, ровно и плавно, а потом вдруг припадает на одну ногу, будто прихрамывая, и вскоре останавливается в задумчивости.

– Знаешь, Костя, – говорит он, – когда-то и меня, как говорится, вела дорога приключений. А потом...

Он встряхивает головой, хмурится и продолжает ходить из стороны в сторону – снова ровно и без хромоты.

– В общем, ты у меня сейчас говорить будешь в любом случае. Всё!

Сирин быстро подошёл к прямоугольному столу и схватил лежавшую там резиновую дубинку. Под рукой, да. Очень удобно.

Константин заскулил.

Удар в колено. Брюнет начинает что-то кричать. Ещё удар – туда же. Что-то под дубинкой поддается и сдвигается. Вместо слов начинается вой – истошный, оглушительный и прерывистый. Карие глаза полны ужаса.

– Ну что?! Не нравится?! А я вот так же выл! А ещё сильнее выл знаешь когда? Знаешь когда?! – ещё один удар – на этот раз в голень. Новый раздирающий воздух крик. – Я выл, когда понял, что мне это колено всю жизнь загубит! Ты, сволочь, повоешь сейчас и дальше сможешь на стуле в окне своём сидеть за компьютером. А я с такой травмой – мусор, в самом обычном смысле.

Константин плачет и стонет, дёргая обездвиженными руками и ногами.

– Ладно! Ладно! Я буду говорить! Я буду! Задайте вопрос!

– Конечно будешь, куда ты денешься, чертила! Но я тебя всё равно так никуда не отпущу, мы ещё чаю не попили!

Сирин размахивается свободной левой рукой и бьёт связанного мужчину в лицо. Под костяшками что-то очень приятно трескается. Из рта мужчины начинает идти кровь.

– А теперь давай рассказывай, на что мои деньги тратятся.

Константин замялся.

– Ты не понял?! – ещё один удар по лицу. Новый поток крови из рассечённой губы заливает расшатанные зубы.

– Ваши деньги... Ну...

– Химиотрассы!

Заплаканные глаза Константина приоткрываются.

– Откуда вы... То есть... Вы знаете?!

– А я много чего знаю, урод. Значит, прав я был, так? Так?!

– Ну... да...

– Давно? Давно это делается?

– Я не знаю... Я как пришёл, проект уже вовсю работал.

– «Проект»... – Сирий ядовито хмыкнул. – Ладно. Дальше.

– Что дальше?

– Дальше! И давай без возни!

– Про химиотрассы, – Константин всхлипывает и испуганно бегаёт глазами, – я толком ничего и не знаю больше.

– Дальше.

– Хм... кхм...

Новый удар, резкий и внезапный, пришёлся в уже разбитое колено. Пленник воеет громче прежнего. По его лбу текут крупные капли пота, искрящиеся, как первые звёзды, взошедшие над кровавым закатом разбитого рта.

– Костя, не тяни!

– Климаааат! – кричит Костя.

– Вот. Давай.

Сквозь слёзы, задыхаясь, он продолжает – отрывисто и неровно.

– Мы финансируем климат-пушки. Не сами их делаем. Только... финансируем. Сами мы почти ничего... не делаем.

– Что за пушки?

– Их только в разговоре... называют пушками. Это такие здания в глуши. С целым комплексом огромных антенн. Официально – это станции изучения климата. И отчасти это правда. Но ещё они могут... антеннами разогревать атмо-

сферу. И вызывать изменения климата.

– А вам это зачем?

– Я не знаю. Может для войны. Наверно для войны. Я не знаю. Не знаю!

– Ладно. Дальше.

Константин вытолкнул изо рта сгусток крови и отрешённо заговорил:

– Ещё частные армии. Как вы и говорили сегодня... в банке. Немного на слежку в интернете. Иногда на чужие выборы... в другой стране... Вроде всё.

– А чипирование? – грозно повысил голос Сирина.

– Какое чипирование? – он поднимает щенячьи круглые мутные глаза.

– Ты мне дурака давай не валяй! – Сирина поднимает дубинку.

– Никто не делает чипирование! – с ужасом воскликнул Константин. – Честно!

– Я сейчас тебя на улицу выволоку, гада, засуну в трусы гранату и скажу потом, что на самодельном устройстве подорвался! И никто ничего не докажет, и ничего мне не будет! Говори быстро!

– Может только кто-то из наших клиентов этим занимается, мы – нет! Честно говорю! Нет, не надо!

Сирина изо всех сил, от бедра, замахивается дубинкой и самым её концом сносит Константину нос. Тот от ужаса несколько секунд не издаёт ни звука, лишь бешено таращит

глаза, раскрывает рот и глотает им воздух, в то время как из съехавшего вбок носа хлещет кровь.

Техника. Помнят мышцы.

– Кос-тя, – хищно мурлычет Сирин, – у меня дочка есть. Ну да ты и сам уже знаешь. И знаешь, что она у меня учится в институте. Она молодец! А ты, вот, не молодец.

Связанный на стуле мужчина мычит, мелко дыша и сплёвывая кровь.

– Вот. Ты и сам это понимаешь. Хорошо. И ты, Костя, конечно знаешь, что она у меня болеет. С самого детства.

Костя полуобморочно кивает. Он бессвязно стонет и всхлипывает, бесконтрольно морщась от боли. Да, морщась. Хорошо.

– И болеет она из-за вас. Из-за ваших химиотрасс! Из-за вас!

Сирин начинает сопеть и шевелить ноздрями, интонация повышается.

– Из-за вас она болеет! И только благодаря мне она живая. Благодаря мне! Я её таблетками полжизни кормлю. Я ей эти таблетки покупаю. Я на эти таблетки зарабатываю. А кто этих фармацевтов кредитует? Вы!

И вы же, дорогие мои, у меня деньги берете, чтобы потом их с самолёта аэрозолем распылять. И я снова побежал к вашим фармацевтам.

Вы же мои враги, Костя, ты понимаешь? Ты понимаешь?! Понимаешь. Хорошо.

А с врагами я не церемонюсь, Костя. Я обещал своему товарищу, что буду с вами по-людски, но вы же не люди. Вы же не люди! Значит... значит можно и не по-людски, – Сирин расплывается в ухмылке. – Всё по-честному.

Константин мелко дрожит. Передняя часть его одежды вся залита ещё не свернувшейся кровью вперемешку со слюной, изо рта густо тянется буро-бордовая субстанция. За плотно закрытым окном совсем темно, и стрекочут кузнечики.

– Лучше тебе, Костя, не тянуть. Твоя подружка, Александра, там за стенкой уже и под себя ходит, – Сирин ухмыльнулся, – и гимн, стоя на коленях, поёт. Картина маслом!

Костя дёргается на стуле, таращит глаза, бормочет, что-то по-телячьи мычит, и начинает кашлять кровью.

– Я к ней заглядывал до тебя, а потом с моим товарищем оставил, – продолжает Сирин. – Вон он, в коридоре на доске почёта там висит, видел может пока шли. Вооот. Он с дамами не хуже меня умеет обращаться. Что не расскажешь ты, то мы у неё спрашивать будем. Вы же коллеги, так? Ну вот и спросим у коллеги. Или сам заговоришь, а?!

– Ладно, – слюняво булькает Константин, – ладно.

– Вот хорошо. Давай водички попей, а то подавишься.

Сирин берёт со стола прозрачный стакан с гранёным основанием, плавно преходящим в ровные круглые стенки, и аккуратно, даже нежно, поит пленника. Тот всё же поперхнулся и с минуту откашливается, часть воды вместе с кровью

лётся через выбитые зубы и разбитую губу на одежду.

– Вот так. А теперь давай говори, Костя.

– Будет очень... очень большой проект, – начинает он торопливо. – Нам не рассказывали подробности. Нам вообще ничего не говорили – мы ведь обычные клерки.

Костя немного надувает щёки и сплёвывает вязкую кровь. Подошва его туфли хлопает, отлипая от заляпанного линолеума.

– Сказали только... что сейчас увольняться нельзя... если не хотим без премий остаться. А это значит... что какой-то проект готовят наверху.

– Какой? Кто сказал?

– Я краем уха... случайно слышал... про какой-то «Зонтик» что ли. Вроде как будут какие-то... особые условия созданы.

– Какие ещё условия? – говорит Сиринов нетерпеливо. – И кто это говорил?!

– Сказал начальник мой... Старков... по телефону с кем-то. Про условия не знаю. Я так и услышал – «условия». Знаю только... что мы сейчас зачем-то мобильных операторов активно кредитруем.

– Это ещё зачем? Слежка какая-то? Так они всегда всех слушали.

– Я ничего больше... кхм... не знаю, – он снова сплёвывает.

– Ну ещё бы. Ты же обычная вошь. Само собой. Вошь. А

всё равно при работе. Даже для *тебя* у них работа нашлась.

Сирин улыбается и делает два огибающих шага, оказавшись у пленника за спиной. Да, за спиной, чтобы быть у него в слепой зоне.

– Что... что я... – Костя дёргается.

– Так вот, Конс-тан-тин, ты на работу, как и я, вернуться не должен, – он хлопает сидящего по плечу. – Но ты ведь вон какой головастик! И работа у тебя как раз головастая. Перебитые ноги в твоём кровожадном ремесле – не проблема. Это тебе не шахматы – тут думать надо!

Он плотоядно усмехается и высоко заносит резиновую дубинку. Нет, не простую резиновую – с металлическим стержнем. Да, так хорошо. Удар.

Голова Константина безвольно опускается. Из рта тянется сверкающая и искрящаяся под белой лампой ниточка слюны.

Сирин, всё ещё улыбаясь, покрутил дубинку в руках, затем обошел безвольное тело и сбоку окинул его взглядом. Уголки его губ медленно опустились, губы сомкнулись. Теперь всё кончено.

Бледнеет и уходит под землю тёмный блестящий шкаф. Расплывается на стене суровый портрет большого и строгого начальника, обретая какую-то пёструю, похожую на герб форму. Пол деревенеет. Уходит ледяная лампа, и всё покрывается густой желтизной. Сухой вакуум комнаты уступает место водовороту звуков. Всё уплывает.

Беглов оживает и теперь, снова подвижный, уже не отражающий, а излучающий жизнь, кивает и говорит что-то в сторону на расстоянии вытянутого звука. Его возникшая напротив подруга кивает в ответ, и они иронично улыбаются. На столе между ними рябит посуда, особенно пёстрая на фоне чёрного монолита окна.

– Мишань.

Сирин вздрогнул, услышав рядом вроде бы знакомое слово. Он повернул голову – справа от него стояли два человека.

– Мишань, – продолжил Виктор, – мы тут пообщались с Андрюшей. В общем... пиво мы уже, наверно, не будем. Может, по домам?

– Да и тебе бы можно отдохнуть, – добавил Андрей.

Сирин молчал, не способный сказать что-либо, пока не распутает скомканные в узел чувства – огромная многоголовая гидра триумфа, ужаса, гнева и справедливости, как призрак уже полузабытой фантазии, ревела и шипела внутри. Он сделал над собой усилие, слегка тряхнул головой, собрался и, наконец, ответил, повторив за Андреем:

– Да и мне бы можно отдохнуть... Да... Идём домой.

Он встал и тяжело захромал к выходу, убираясь в подступивший к самым дверям мрак. Серо-голубой лёд в его глазах растаял.